

— Это всё покровительство господина судьи, — скромно отозвался Дин Тянь, не приписывая себе лишних заслуг.

Пользоваться наследием покойного отца стоило с умом, не злоупотребляя чужой добротой. Знать своё место и честно исполнять долг — вот лучший способ уберечь себя от неприятностей на долгие годы. Эту житейскую мудрость Тянь усвоил ещё в прошлой жизни, когда проходил стажировку в тюремном ведомстве. Именно благодаря своей исполнительности и умению не высовываться он в своё время легко получил постоянное место.

Пусть законы прошлого разительно отличались от современных, суть оставалась прежней: выскочек никто не любил, а уступчивые и тихие жили дольше всех. Здесь же, в суровые времена феодализма, малейшая оплошность могла стоить головы. Тут уж точно не следовало нарываться на рожон.

— Рад, что ты это понимаешь, — кивнул советник Ду, увлекая юношу за собой вглубь управы. — Пойдём, мне как раз нужно к господину судье. Как у тебя дела дома? Всё уладил перед отъездом?

— Всё готово. Я ведь один остался, — охотно поддержал беседу Дин Тянь, стараясь наладить хорошие отношения со старшим. — Землю переписал на брата Каня, он из нашего клана. Вы же знаете, у второго и третьего дядёв своих забот по горло, они со своими наделами едва справляются, так что обременять их ещё и моими мне не хотелось.

Советник одобрительно покивал:

— Разумно. Пока ты держал траур, пускай пользовались, в том беды не было. После войны государь пожаловал нашим краям трёхлетнее освобождение от податей, но этот срок истёк. С нынешней осени налоги начнут собирать по всей строгости. Теперь каждый мешок зерна на счету, сколько намолотил — вынь да положи долю в казну...

В крупных управах делами заправляли двое: советник по уголовным делам и советник по налогам и продовольствию. Однако в их глуши уездному судье приходилось рассчитывать лишь на одного Ду Кана. Тот тянул на себе всю лямку: и казной ведал, и на допросах присутствовал.

К счастью, уезд Бычьего Рога лежал на самой окраине империи. До войны под его началом числилось полтора десятка деревень, но жили там бедно и немногочисленно, так что серьёзных преступлений почти не случалось. Вся судебная практика сводилась к пустякам: то скотина со двора уйдёт, то павшая корова обнаружится. К слову, к тягловому скоту в эти времена относились строже, чем к людям: если у крестьянина погибал вол, следовало тщательно расследовать причину смерти, а за нерасторопность хозяина могли сурово оштрафовать. Ну а прочие дела и вовсе были курам на смех — чья-то птица склевала чужое просо или соседи подрались по пьяни.

Словом, тихий, сонный край, где годами не слыхивали о мокрухе.

Сам Город Ньюцзяо ютился в теснине между двумя хребтами, чьи острые, уходящие в небо кручи служили естественной крепостной стеной. Из-за этого сходства со звериными рогами уезд и получил своё название. Новый город Ньюцзяо, отстроенный на пепелище, унаследовал прежнее имя. Рогов здесь, конечно, никто не заготавливал — всё дело было исключительно в причудливом рельефе.

Во время недавней войны город Ньюцзяо стёрли с лица земли, но враг так и не сумел прорваться дальше, к Деревне семьи Дин и прочим селениям. Город стоял насмерть, запирая ущелье, словно непреклонный страж: один воин на такой круче мог сдержать натиск целого войска. Защитники продержались до подхода подкреплений, которые и отбросили захватчиков за пределы Великой Цин.

В награду за стойкость казна выделила щедрые средства на восстановление города Ньюцзяо. Возвели его на славу — по размаху и мощи новые укрепления мало уступали губернским центрам. Стены поднялись высокими, толстыми, как у настоящей пограничной цитадели, а к северу от города раскинулся лагерь целый гарнизон регулярных войск.

Доверие советника Ду к молодому тюремщику крепло с каждой минутой. Парень хоть и молод, но рассудителен, почтителен и явно не из тех, кто ищет приключений на свою голову. А это в их деле — самое ценное качество.

— Тянь-эр, на тебя в тюрьме вся надежда, — вполголоса проговорил советник, решив заранее ввести юношу в курс дела. — Управа только обживает, забот выше крыши, у нас с господином судьёй просто рук на всё не хватает.

Столичные чиновники выделили на восстановление уезда внушительную сумму — двести тысяч лянов серебром и сто тысяч связок медных монет. Вот только пока караван с казной тащился до окраин, крупица за крупицей оседала в карманах столичных и дорожных мздоимцев, до Бычьего Рога доехало лишь сто тысяч лянов да жалкие тридцать тысяч связок меди.

Куда делась половина богатства?

Ни уездный судья, ни его верный советник этого не знали, да и знать не желали. Оба они прошли войну и своими глазами видели лютость заграничных варваров. Потому к казённым деньгам даже пальцем не прикоснулись — каждую медную монету пустили в дело, на укрепление городских стен. Оборону-то они обеспечили на славу, а вот на обустройство внутренних помещений управы денег почти не осталось.